

П. Н. ТКАЧЁВ

Анархия мысли

*[Статья первая]*¹

В последнее время число русских книг, изданных за границей, и в особенности книг революционного и оппозиционного характера, стало быстро увеличиваться², и нет сомнения, что пропорционально правительственному гнету оно будет прогрессивно возрастать <...>.

Наш критический обзор русской заграничной литературы мы начнем с группы изданий, имеющих чисто революционный характер, — с произведений нашей революционной прессы.

Из этих произведений для нас имеют первенствующую важность и интерес, разумеется, те, в которых разъясняются молодежи ее революционные идеалы, подаются ей советы и указания относительно ее революционной практики, в которых, одним словом, так или иначе разрешаются основные вопросы ее деятельности. Ими-то мы теперь и займемся.

К числу их следует отнести, во-первых, довольно объемистую книгу, изданную «социально-революционной партией», под заглавием «Государственность и анархия» (1873 г.), во-вторых, «К русской социально-революционной молодежи» (1874 г.) — небольшая брошюрка, изданная редакцией журнала «Вперед!», и, наконец, в-третьих, программа «Общины русских анархистов» в Женеве, написанная в виде воззвания к русским революционерам³.

Каждое из этих произведений выражает собою как бы profession de foi⁴ тех трех различных фракций, на которые поделили себя наши революционеры, живущие за границей, — фракции так называемых *бакунистов*, *лаэровистов*, или впередовцев, и женевских анархистов (издателей газеты «Работник»⁵).

Что разделяет эти фракции и есть ли вообще какое-нибудь существенное различие в их мирозерцании — это нам вполне выяснится при разборе продуктов их мысли.

Мы начнем с «Государственности и анархии». Книга эта, как известно, года два-полтора тому назад распространялась в России весьма деятельно и имела, бесспорно, огромное влияние на направление мыслей нашей революционной молодежи. Уже это одно заставляет нас отнестись к ней с особенным вниманием. Но, кроме того, нельзя не признать, что она написана с большим талантом (по крайней мере некоторые ее части) и по своей внешней, не лишенной блеска и остроумия форме резко отличается от всех прочих произведений заграничной революционной прессы.

К несчастью, этого нельзя сказать о ее внутреннем содержании. Она отличается крайней безалаберностью и нередко даже полнейшим отсутствием всякой логической связи между отдельными мыслями и предложениями. События современной действительности, вырванные совершенно произвольно из общей картины европейской жизни, проходят перед нашими глазами в каком-то хаотическом беспорядке, спутываясь, переплетаясь и окончательно улечувываясь в туманных областях каких-то *высших* государственно-политических соображений.

Вообще все содержание книги находится в резком противоречии с основным догматом вероучения той «социально-революционной» или «анархической партии», на иждивение которой она издана. Партия эта отрицает *политику* в том смысле, что считает недостойным себя заниматься какими бы то ни было политическими комбинациями, впутываться в европейскую дипломатию, и совершенно игнорирует государственную сторону народной жизни.

Между тем «Государственность и анархия» с первой до последней страницы наполнена исключительно лишь рассуждениями о различных чисто государственных, дипломатических вопросах: о пангерманизме и панславизме, о Бисмарке⁶ и Гамбетте⁷, о прусской политике и прусском флоте, о таможенном союзе, об отношениях австрийской политики к славянским народам, о естественных и неестественных дипломатических союзах, о том, что может произойти в случае войны Пруссии с Россией, о мнимых или действительных ошибках европейских политиков и т. д., и т. д. Все эти вопросы, может быть, весьма любопытны, но только для публики известного сорта — для публики, следящей за передовыми статьями «буржуазных» газет, занимающейся «буржуазной» политикой, публики, интересы которой не имеют ничего общего с интересами социально-революционной партии.

Разумеется, мы не станем здесь анализировать политико-дипломатические соображения автора «Государственности и анархии»; хотя подчас они не лишены некоторого остроумия (особенно

там, где автор «отделяет» немцев, к которым он питает непримиримую ненависть, унаследованную, очевидно, от русских славянофилов), но в целом они довольно скучны и отличаются каким-то фелетонным характером.

Единственная оригинальная мысль, которую можно извлечь из них и на которую автор напирает с особенной силой (отчего, впрочем, она несколько не становится более убедительной), может быть сформулирована таким образом: «немцы — прирожденные государственники; государственность преобладает в них над всеми другими страстями и решительно подавляет в них инстинкт свободы» (стр. 144); «наследственное послушание и стремление к политическому преобладанию составляют основные черты его (т. е. немца) существа» (стр. 303). Напротив, народы славянские и романские, преимущественно испанцы и итальянцы, — прирожденные анархисты, непримиримые враги всякой государственности и централизации. Отсюда вывод: Испания, Италия и славянский мир стоят ближе всего к социальной революции. Германия, со своими Бисмарками и Марксами, — всего дальше.

Быть может, это заключение и не лишено некоторой доли остроумия, но... это все, что о нем можно сказать; относиться к нему серьезно невозможно. Кто же не знает, что все эти широкие обобщения, произвольно вырывающие из народной жизни одну какую-нибудь черту и превращающие ее в характеристику народа, подводящие все его разнообразные свойства и наклонности под одну однообразную форму, наклеивающие на целые нации ярлыки с лаконическими надписями «легкомысленная», «солидно-основательная», «развращенная», «добродетельная», «нация анархистов», «нация государственников» и т. п., — что все эти фантастические обобщения относятся к области чистейшей поэзии и риторики, что это не более как метафоры.

Правда, автор смотрит на эти метафоры серьезно, он видит в них нечто реальное и старается даже доказать их истинность различными историческими и политическими соображениями; но его исторические аргументации и его политические умствования весьма мало убедительны.

Отправляясь от фактов государственной, правительственной истории — истории дипломатии, он делает ответственным за них весь народ, он приписывает ему все те хищнические наклонности, все те властолюбивые похоти, которыми отличаются его правители и дипломаты.

Затем он постоянно отождествляет стремление к племенному объединению с централизацией, а идею централизации — с идеей

государственности, племенную рознь — с децентрализацией, а последнюю — с идеей анархии. Отсюда само собою понятно, какое достоинство могут иметь выводы, построенные на таких неверных исторических посылках, на таком ребяческом смешении резко отличающихся одно от другого понятий.

Останавливаться на них долее, очевидно, не стоит. Да при том же они и отношения-то никакого не имеют с той *программой* партии, выражением которой должна служить эта книга. Вот эта программа, как ее излагает сам автор:

«Мы, революционеры-анархисты, поборники всенародного образования, освобождения и широкого развития общественной жизни, а потому враги государства и всякого государствования, в противоположность всем метафизикам, позитивистам и всем ученым и неученым поклонникам богини науки, мы утверждаем, что жизнь естественная и общественная всегда предшествует мысли, которая есть только одна из функций ее, но никогда не бывает ее результатом; что она развивается из своей собственной неиссякаемой глубины рядом различных фактов, а не рядом абстрактных рефлексий и что последние, всегда производимые ею и никогда ее не производящие, указывают только, как верстовые столбы, на ее направление и на различные фазисы ее самостоятельного и самородного развития.

Сообразно такому убеждению мы не только не имеем намерения и малейшей охоты навязывать нашему или чужому народу какой бы то ни было идеал общественного устройства, вычитанного из книжек или выдуманного нами самими, но в убеждении, что народные массы носят в своих более или менее развитых историей инстинктах, в своих насущных потребностях и в своих стремлениях, сознательных и бессознательных, все элементы своей будущей нормальной организации, мы ищем этого идеала в самом народе; а так как всякая государственная власть, всякое правительство, по существу своему и по своему положению поставленное вне народа, над ним, непрременным образом должно стремиться к подчинению его порядкам и целям ему чуждым, то мы объявляем себя врагами всякой правительственной, государственной власти, врагами государственного устройства вообще и думаем, что народ может быть только тогда счастлив, свободен, когда, организуясь снизу вверх, путем самостоятельных и совершенно свободных соединений и помимо всякой официальной опеки, но не помимо различных и равно свободных влияний лиц и партий, он сам создает свою жизнь.

Таковы убеждения социальных революционеров, и за это нас называют анархистами. Мы против этого названия не протестуем, потому что мы действительно враги всякой власти, ибо знаем, что

власть действует столь же развратительно на тех, кто облечен ею, сколько и на тех, кто принужден ей покоряться».

Здесь в сжатой форме представлена вся философия анархии, вся ее научная аргументация; других аргументов у нее нет. Рассмотрим же беспристрастно эту аргументацию, вникнем в сущность этой философии.

Основное ее положение формулируется автором таким образом: «Жизнь естественная и общественная всегда предшествует мысли, которая есть только одна из функций ее, но никогда не бывает ее результатом».

Что не бывает результатом? По грамматическому смыслу фразы следует, что «мысль никогда не бывает результатом жизни». Но, очевидно, автор хотел сказать как раз наоборот, т. е. что жизнь никогда не бывает результатом мысли, что первая предшествует второй. Но и при этой грамматической поправке логический смысл фразы не много выигрывает. Можно ли сказать, что жизнь предшествует мысли, что мысль есть результат ее, когда сам автор утверждает, что «мысль есть одна из функций жизни»? Мысль или, выражаясь точнее, мозговая деятельность, подобно деятельности пищеварительных органов, деятельности легких, сердца и т. п., не может ни предшествовать человеческой, а следовательно, и общественной жизни, ни составлять ее результата; она образует одну из ее необходимых и неустраняемых составных частей.

Но откуда она черпает материалы для своих теоретических построений? Конечно, не с неба, не из самой себя, а из фактов окружающей ее жизни, фактов, которые, однако, в значительной степени ей же обязаны своим существованием. Но если общественные факты дают главное содержание деятельности мысли, то мы можем сказать, что все ее теории суть не что иное, как результат этих фактов, что последние предшествуют первым.

Очевидно, что эту-то именно идею и желал выразить автор в своей «основной» посылке — посылке, потерявшей под его пером всякий не только грамматический, но и логический смысл.

Идея эта совершенно верна, и она давно уже стала бесспорной аксиомой общественных наук. Автор глубоко заблуждается, уверяя, будто ее отрицают «позитивисты» и вообще все «ученые и неученые поклонники богини науки». Ее отрицали, это правда, немецкие метафизики гегельянской школы, которые уже давно сданы в архив и вспоминать о которых теперь даже совестно. Неужели автор не знает этого?

Посмотрим, однако, какой же вывод делает автор из этой им не понятой и дурно выраженной, но в основе вполне справедливой посылки.

Все научные теории создаются под влиянием известных общественных факторов; отсюда, говорит автор, следует, что первые не могут изменять последних.

Но отчего же это следует? Оттого, что *A* произвело *B*, нельзя еще вывести заключение, что *B* не может изменить *A*. Напротив, мы на каждом шагу видим, что в общественной жизни между причинами и следствиями всегда существуют двоякого рода отношения: причина порождает следствие, а следствие видоизменяет причину. Человек изобретает известного рода пищу, а пища в свою очередь видоизменяет человека; данный общественный строй привел к изобретению машин, к введению машинного производства, а машинное производство видоизменило общественный строй и т. д., и т. д. И все переживаемые человечеством общественные метаморфозы — все они совершались при участии мысли: мысль постоянно изменяла общество, хотя сама она была лишь продуктом этого общества.

Какой же смысл могут иметь после этого заключения автора, утверждающего, будто мысль, т. е. наука, бессильна изменить жизнь, потому что весь свой материал она заимствует из последней? Если бы это было так, в таком случае общественная жизнь никогда не должна бы была изменяться; все ее факторы вырабатываются под ее собственным влиянием, следовательно, по логике автора, ни один из них не может содействовать ни ее улучшению, ни ее ухудшению, ни вообще ее развитию.

Не правда ли, логика — оригинальная и весьма мало похожая на общечеловеческую! Если бы автор сумел до конца остаться ей верен, он должен был бы прийти к таким выводам, которые даже консервативнейшему из консервативных философов статскому советнику Гегелю показались бы чересчур консервативными⁸. Но автор в дальнейшей своей аргументации изменил ей. Решив при ее помощи, что мысль, наука жизнь перестроить не могут, он затем утверждает, будто она должна перестраиваться народными инстинктами — «сознательными и бессознательными стремлениями», «насущными потребностями народных масс», что в этих инстинктах, стремлениях и потребностях заключаются «все элементы будущих нормальных отношений общества».

Что же это такое? Насмешка над здравым смыслом? Или ирония над предполагаемым тупоумием читателей? Нас только что уверяли, что наука не может изменить жизнь, потому что она сама развивается под ее влиянием, — теперь же нам говорят, что жизнь может и должна изменяться и переустраиваться сообразно «народным инстинктам», «потребностям» и «стремлениям». Да разве эти инстинкты, потребности и стремления не суть продукты истории, разве не жизнь их вырабатывала и развивала?

Нет, автор не отвергает, что народные инстинкты «более или менее развиты историей», т. е. данными условиями общественной среды. Почему же он отдает им предпочтение перед сознательной, научной мыслью? Ведь и они заимствуют свой материал из того же самого источника, как и последняя, — из фактов народной жизни. В мысли нет ничего такого, чего бы не было в инстинкте. Вся разница только в том, что последний бессознателен, безотчетен и потому не всегда логичен и последователен, — он действует осязательно, с завязанными глазами; первая же отдает себе отчет в каждом своем шаге, она постоянно сама себя контролирует и проверяет, она ясно видит цель и идет к ней твердо и прямо, не отвлекаясь и не уклоняясь в сторону; говоря короче, один — неразумен, другая — разумна; один — туп, сложен, неопределен, другая — проста, ясна и определена. Первый относится ко второй, как эмбрион к развитому организму.

Скажите же, бога ради, отчего же народные идеалы яснее должны отражаться в «мутной воде» инстинкта, чем в «полированном зеркале» мысли? Отчего идеалы инстинктивные могут пересоздать жизнь, а идеалы сознательные не могут?

Анархисты говорят, что сознательные идеалы вырабатываются лишь меньшинством, что меньшинство это стоит вне народа, тогда как идеалы инстинктивные присущи всему народу, — отсюда они заключают, что последние *народны*, а первые — нет.

Опять заключение, не сообразное ни с какой человеческой логикой. Народность идеала определяется его содержанием, а содержание зависит от того материала, из которого он построен. Если человек «меньшинства» черпал этот материал из жизни буржуазного общества, из мира мошеннической эксплуатации, из мира лавки, биржи и т. п., его идеалы и теории будут иметь характер антинародный, буржуазный (таковы, например, идеалы и теории так называемой науки политической экономии). Если же он черпает его из народной жизни — из мира труда, из мира рабочего, то они по существу своему будут народными, антибуржуазными (таковы, например, идеалы коммунизма и т. д.). Все это истины такие азбучные, что смешно даже и настаивать на них.

Но нас уверяют, будто человек меньшинства не может вполне понять и уяснить себе страдания большинства, потому что он сам не испытал их на своей собственной шкуре.

И это неверно. Разве доктор, никогда не страдавший ни лихорадкой, ни тифом, менее способен понять и уяснить себе сущность, причины этих болезней и средства к их излечению, чем сам больной?

Конечно, человек меньшинства, человек интеллигенции не может так сильно *чувствовать* страдания народа, как их чувствует

сам народ, но именно потому-то он их лучше *понимает*, он относится к ним объективнее, он анализирует их всестороннее, и в его миросозерцании не может быть той неясности, спутанности, тех противоречий, которые сами анархисты признают в так называемых народных инстинктах.

В своей философии они торжественно утверждают, что «в инстинктах народа, более или менее развитых историей», заключаются все элементы будущей нормальной организации. Но, спускаясь с метафизических высот на землю и начиная анализировать действительно существующие инстинкты, потребности и стремления немецкого, французского, русского и т. п. народов, они приходят к заключениям совершенно противоположным.

Так, например, оказывается, что у немцев преобладает инстинкт рабства и стремление к государственности, следовательно, в их инстинктах и стремлениях нельзя искать «элементов будущей нормальной организации» общества.

У русских инстинктивный идеал имеет *три хорошие* черты (1) убеждение, что земля принадлежит всему народу; 2) что на пользование ею имеет право не лицо, а мир, община; 3) враждебное отношение общины к государству) и *четыре дурные* (патриархальность, поглощение лица миром, вера в царя и христианская религия). Значит, и в идеале русского народа нельзя искать «всех элементов будущей нормальной общественной организации». Если народ получит возможность свободно и без помехи провести его в практическую жизнь, то в результате получится такая организация, которую сами анархисты считают противоестественной, ненормальной.

Что же это такое? С одной стороны, русскую молодежь уверяют, что дело революционера, «народное дело», состоит единственно в осуществлении «народного идеала» (приб. А⁹, стр. 14), с другой — ей говорят, что народный идеал только тогда и будет соответствовать «нормальной общественной организации», только тогда и должен быть осуществлен, когда революционеры его исправят, когда они очистят его от всего дурного и ненормального.

На основании какого же критерия они находят дурным и ненормальным политический фатализм народа, выражающийся в некоторых местностях России *верой в царя*, его патриархальность (т. е. весь строй его семейной жизни), его религиозность (которую, впрочем, мало кто в нем замечал), наконец, то подчинение лица миру, которое составляет один из основнейших принципов его общины? Очевидно, этот критерий почерпнут ими не «из недр народного сознания», очевидно, он основан не на «инстинктах и стремлениях народа». Он заимствован из той самой науки, из той чуждой предрассудков

сознательной мысли меньшинства, к которым они относятся с таким пренебрежением, которые, по их мнению, не должны играть никакой роли в перестройке общественных отношений. Опираясь на эту «мысль», они вычеркивают из народного идеала его существеннейшие и наиболее характеристичные черты и в то же время преклоняются перед этим идеалом, видят в нем «все элементы будущей нормальной организации общества».

Как возможно дойти до такой степени лицемерия или непоследовательности?

Одно из двух: или в народном идеале, в народных инстинктах действительно заключаются «все элементы нормальной организации будущего общества», или — нет. В первом случае, чем полнее осуществится этот идеал, чем более простора будет предоставлено развитию этих инстинктов, тем лучше. Во втором — наоборот: полное осуществление народных идеалов, беспрепятственное развитие народных инстинктов лишь тогда приведет к нормальной организации общества, когда эти идеалы будут очищены, эти инстинкты перевоспитаны. Это так же очевидно, как дважды два — четыре.

Но для анархистов это не очевидно: они хотят и неприкосновенность народных идеалов соблюсти, и заменить данную ненормальную общественную организацию организацией нормальной. Задача могла бы быть разрешена, если бы первые не находились в противоречии с последней. Но они признают, что противоречие существует. Что же делать? Как выйти из запутанного лабиринта друг друга уничтожающих положений?

Поищем, не найдем ли ответа на этот вопрос в той программе или, лучше, в тех программах практической деятельности, которые анархисты рекомендуют нашим революционерам.

Статья вторая

Переходя к разъяснению молодежи практически-революционной деятельности, автор «Государственности и анархии» останавливается на двух главных и, по его мнению, противоположных направлениях, которые «выделяются теперь из общей неурядицы мыслей».

Одно направление более миролюбивого и подготовительного свойства, другое — «боевое, бунтовское». Поборники первого направления, говорит автор, «в настоящую возможность (вероятно, он хотел сказать “в возможность в настоящем”) революции не верят». Но, не желая оставаться «покойными зрителями народных бед», они идут в народ для того, чтобы, работая наравне с ним, распространять среди него «дух общения» (стр. 18).

Цель их — подготовить народ к революции, развить его до практического понимания «справедливости, свободы и средств к освобождению», исправить и очистить его идеал. Автор находит цель эту утопической. «Те, — говорит он, — которые рисуют себе такие планы и искренно намерены осуществить их, делают это, без сомнения, закрывши глаза, для того чтобы не видеть всего безобразия нашей русской действительности. Можно наперед предсказать им все страшные, тяжкие разочарования, которые постигнут их при самом начале исполнения, потому что, за исключением разве немногих счастливых случаев, большинство между ними дальше начала не пойдет, не будет в силах идти» (стр. 19).

Итак, путь медленного и постепенного приготовления, путь пропаганды отрицается нашим автором самым решительным образом. Никаких сомнений и недоразумений на этот счет быть не может. Прекрасно. Но что же взамен этого предлагается молодежи? Что она должна делать?

Заниматься пропагандой, подготовлением и развитием в народе «духа общения».

Как так, но ведь сейчас только автор доказывал, что именно *этим-то* и не нужно заниматься? Возможна ли такая грубая, такая очевидная непоследовательность?

А вот слушайте, и вы убедитесь в ее возможности.

«Народ наш, — говорит автор, — явным образом нуждается в помощи» — в помощи нашей революционной молодежи. Признание несколько странное в устах человека, сделавшего из народа своего бога. На 9-й странице того же «Прибавления А» автор уверял, будто «самые прославленные гении» ничего не могут сделать для народа, потому что «народная жизнь, народное развитие, народный прогресс принадлежит *исключительно* самому народу»; далее, на странице 10, говорилось, что народу «от привилегированных классов ждать нечего». И вдруг теперь оказывается, что народ без помощи нас, революционного и привилегированного меньшинства, ничего не может сделать, что наша помощь ему необходима. Прекрасно — примем это к сведению. В чем же должна состоять наша помощь?

«Народ находится в таком тяжелом положении, что ничего не стоит поднять любую деревню, — говорит автор, — однако, — замечает он, — частных вспышек недостаточно. Надо поднять вдруг *все деревни*» (стр. 19). Но деревни разъединены, разрознены; они не живут общей жизнью, между ними не существует никакой солидарности. Автор вполне с этим соглашается и видит в этом «главный недостаток, парализирующий и делающий до сих пор невозможным всеобщее народное восстание» (стр. 20). Потому он предлагает мо-

лодежи заняться прежде всего объединением замкнутых местных крестьянских миров. «Нужно, — говорит он, — связать лучших крестьян этих деревень, волостей и по возможности *областей*» (каких это областей?); затем «надо убедить их, а через них если не весь народ, то по крайней мере значительную и наиболее энергичную часть его, что для целого народа, для всех деревень, волостей и областей в целой России, да также и вне России, существует одна общая беда, а потому и одно общее дело». Наконец, «необходимо, чтобы села, волости и области связались и организовались по одному общему плану...».

Задача, как видите, нелегкая. Но это еще не все. «Прямая обязанность нашей революционной молодежи противодействовать недостаткам народного идеала и употребить все усилия, чтобы побороть их в самом народном сознании» (стр. 19).

Мы уже видели, что недостатки эти, по мнению автора, заключаются в религиозном и политическом фатализме русского народа, в его привязанности к патриархальному складу жизни и, наконец, в его чересчур коммунистических воззрениях на отношения лица к миру, общине. «Недостатки» — весьма существенные и, как всякому известно, весьма глубоко засевшие «в недра народного духа». Вот с ними-то автор и предлагает молодежи вступить в борьбу. Дело не шуточное. Тут придется столкнуться с основными формами народного мирозерцания, формами, обуславливаемыми той степенью умственного развития, на которой стоит народ; с привычками, чувствами и инстинктами, выработывавшимися веками, передаваемыми от отца к сыну в целом ряде поколений, всосанными с молоком матерей. Для того чтобы заставить народ отказаться от свойственных его уму форм мышления, чтобы изменить застарелые привычки, чтобы искоренить те его чувства и инстинкты, которые влекут его к патриархальному образу жизни, которые поработают лицо миру, — для этого ведь нужно его перевоспитать, вложить в его голову другие мозги. Но разве подобная задача может входить в программу революционной деятельности? Разве дело революционера воспитывать народ? Мало того, если бы даже наши революционеры считались не десятками и сотнями, а тысячами и миллионами, разве бы они могли осуществить ее? Чтобы перевоспитать народ, для этого потребуются работа многих поколений, многих десятков лет. Неужели можно не понимать таких простых вещей?

Но, быть может, вы согласны ждать — ждать десяток лет, ждать целые века? Но в таком случае почему же вы не одобряете того пути, который предлагают «миролюбивые» пропагандисты? Почему вы находите их путь утопическим, а свой практическим; почему один вы называете «подготовительным», а другой — «бунтовским»? Пе-

ределать народные идеалы, вселить в народ сознание его силы, связать в одно целое разрозненные села, волости и области — неужели вы полагаете, что это можно сделать скорее и легче, чем развить его, говоря словами редактора «*Вперед!*»¹⁰, «до понимания им своих нужд и потребностей, средств, задач и условий социальной революции»?

Но каково же положение молодежи? Чему она должна верить? Верить ли ей тому, что путь постепенного, медленного приготовления народа к революции, путь пропаганды, ставящей своею целью расширение и очищение народных идеалов, что это путь утопический, что, идя по нему, никогда никуда не придешь, — или же она должна верить, что только от него следует ждать спасения (стр. 19)?

И добро бы эти друг друга уничтожающие положения защищались людьми различных направлений, а то нет — их высказывает один и тот же человек в одной и той же книге, на одной и той же странице...

Однако мы не должны этому удивляться. Теория, противоречивая в своих принципиальных основаниях, неизбежно должна привести к противоречивым практическим выводам. Теория, как мы показали выше, постоянно виляет между Сциллой и Харибдой¹¹ — между метафизическим идеализмом и грубым житейским реализмом. Соблазнительная (для старцев, конечно) сирена-метафизика шепчет ему в уши, что в народе живет какой-то вечный идеал, «который способен осмыслить народную революцию, дать ей определенную цель...» (стр. 7); она уверяет его, что этот идеал есть идеал анархии, идеал полного и абсолютного господства фихтевского я¹², освободившегося от всякого внешнего принуждения, сбросившего с себя узы всякой власти и, кроме своего личного интереса, ничего не знающего и не признающего. Поверив на слово вероломной сирене, очарованный ее фантастическими бреднями, автор зовет молодежь идти в ряды идеализированного народа и немедленно поднимать его на бунт, «стать на бунтовской путь». Но тут является на сцену грубый реализм и бесцеремонно сметает карточные домики метафизики: не верь, говорит он, эта старая, беззубая баба, красами которой ты соблазнился, все тебе наврала. Если и есть в народе такая штука, которую тебе угодно называть «идеалом», то «этот идеал страдает столь существенными недостатками», что во имя его начатое народное движение никогда не оканчивалось и теперь не может окончиться успешно (см. стр. 19). Ты жестоко также ошибаешься, воображая, со слов выжившей из ума бабы, будто народ наш чувствует расположение к *анархии*, как ты ее себе представляешь. Напротив, его общественное миросозерцание, выработанные им формы общественной жизни, его личные и семейные отношения — все идет вразрез с твоей анархией. «Община — его мир. Она не что

иное, как естественное расширение его семьи, его рода. Поэтому в ней преобладает то же патриархальное начало, тот же гнусный деспотизм и то же подлое послушание, а потому и та же коренная несправедливость и то же радикальное отрицание всякого личного права, как и в самой семье» (стр. 15).

Ввиду этих весьма малоутешительных для анархии указаний опыта автор пускается в разъяснения слов «бунтовской путь».

Оказывается, что «стать на бунтовской путь» совсем не значит идти в народ да и начать его сейчас же бунтовать. Нет, это значит — исправлять недостатки народного идеала, т. е. перевоспитать народ в духе анархического символа и затем сплотить в один крепкий союз разрозненные «села, волости и даже области», союз, действующий «по одному общему плану и с единою целью», т. е. подчиняющийся одному общему, верховному руководству, одной общей, верховной власти.

Но, однако, позвольте, как же это так? С одной стороны, вы советуете молодежи убеждать народ во вреде всякого господства, всякого авторитета, всякой власти, развить в нем сознание «личного права», с другой — вы рекомендуете ему сплотить разрозненный крестьянский мир в одно целое, подчиняющееся единому общему руководству, преследующее единую общую цель. О, праведное небо, за какого же прирожденного болвана считаете вы наш бедный русский народ, тот самый народ, пред которым вы только что преклоняли ваши колени, которому вы воскуряли фимиамы, которого вы называли вашим богом! Неужели вы воображаете, что в его голове так мало здравого смысла, что он не в состоянии будет понять ваших противоречий? Неужели вы думаете, что вы можете заставить его поверить, *будто всякая власть портит всякое дело*, и в то же время привести его к сознанию необходимости подчиниться, для успеха революционного движения, какому-то общему, единому руководству, какой-то власти?

Или же вы уж чересчур просты, или ваше идолопоклонство перед народом — чистейшее лицемерие, грубый и недобросовестный обман.

Всякая организация, предполагающая какое-то руководство, какой-то центр, из которого исходят распоряжения и наблюдения за их исполнениями, который связывает разрозненные части в одно целое, всякая такая организация — построена ли она на началах федеративных или централистических, т. е. сидят ли в ее центре несколько полновластных диктаторов или только депутаты, представители местных групп, ограниченные своими *mandats*¹³, — всякая такая организация по существу своему есть организация авторитарная, а следовательно, антианархическая. Как же это вы

хотите совместить ее с проповедью анархии? Но, может быть, вы имеете в виду какую-нибудь другую организацию? Может быть, вы мечтаете об организации без общего центра, без общего руководства, организации, допускающей отдельное, самостоятельное, независимое существование каждой из составляющих ее единиц? Но в таком случае это будет не *организация*, а лишь *агломерация*, т. е. именно то, что существует и теперь в мире крестьянства и что вы хотите изменить посредством организации.

Неужели и здесь для вас не очевидны ваши самопротиворечия? И не удивительно ли, как это могут уживаться в одной голове столько идей, друг друга уничтожающих? Как может один человек надеть столько логических ошибок, впасть в такую массу противоречий?

Нет, для таких замечательных подвигов в области «анархии мысли» сил одного человека было бы слишком недостаточно. Тут необходимо содействие многих «умов», тут нужна *коллективная* работа. И действительно, указанные здесь заблуждения, ошибки и противоречия не составляют личной, неотъемлемой собственности автора «Государственности и анархии». Это общее достояние целой группы людей, целой партии. Чтобы убедиться в этом, стоит только просмотреть другое произведение того же направления, излагающее, подобно первому, анархическое *profession de foi* и адресованное к «русским революционерам» от *Революционной общины русских анархистов*. <...>

